

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH194921-933>

Исследовательская статья

Дружинина Инга Александровна
к.и.н., старший научный сотрудник
Центр византийско-кавказских исследований
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
inga_druzh@mail.ru

Илюшина Милана Юрьевна
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
aspirant_vf@mail.ru

Кабардов Инал Бесланович
лаборант-исследователь
Центр византийско-кавказских исследований
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
inal-kabart@mail.ru

«ЖИЗНЬ И МЕСТО ОБИТАНИЯ ЗИХОВ, ИМЕНУЕМЫХ ЧЕРКЕСАМИ. ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ» ДЖОРДЖИО ИНТЕРИАНО: КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТУ ИСТОЧНИКА

Аннотация. В настоящей работе в новом ракурсе, в свете изучения взаимосвязей черкесов Закубанья и мамлюков Бурджи (1382–1517), рассмотрено содержание ключевого источника по средневековой истории адыгов и других народов Северо-Западного Кавказа – сочинения генуэзского путешественника Джорджио Интериано. Этот итальянский автор конца XV в. посетил Северный Кавказ, по всей видимости, в период правления в Каире султана ал-Ашрафа Каитбая (1468–1496), на время которого приходится один из наиболее активных периодов посещения черкесскими мамлюками родных земель и племен Закубанья. В своем «Достопримечательном повествовании» Интериано запечатлел образ жизни, обычаи, облик адыгской знати в то время, когда их родственники управляли одним из самых могущественных государств Востока – Султанатом мамлюков Бурджи. Наблюдения Джорджио Интериано хорошо коррелируют с описанием целого ряда традиций мамлюков Бурджи, зафиксированных в арабских источниках. Представляется, что укоренение в среде черкесской знати Северного Кавказа специфических мамлюкских традиций было бы невозможно без их трансляции непосредственно «оригинальными» носителями – мамлюками, возвращавшимися из Султаната. В работе рассмотрены основные причины посещения черкесскими мамлюками Закубанья. При анализе сочинения Джорджио Интериано впервые привлечены тексты его современников – арабских историков Султаната Бурджи: ал-‘Айни (ум. в 1451 г.), Ибн Тагри Бирди (ум. в 1469 г.), ас-Сахави (ум. в 1497 г.), Ибн Шахин ал-Малати (ум. в 1514 г.), а также Ибн Ийаса (ум. в 1524 г.).

Ключевые слова: Джорджио Интериано; черкесы; мамлюки; Северо-Западный Кавказ; Средние века

Для цитирования: Дружинина И.А., Илюшина М.Ю., Кабардов И.Б. Тарханство в средневековых Грузии и Армении: особенности закавказского феодализма // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 4. С. 921–933. doi.org/10.32653/CH194921-933

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH194921-933>

Research paper

Inga A. Druzhinina,
Cand. Sci, Senior Researcher,
Center for Byzantine-Caucasian Studies
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
inga_druzh@mail.ru

Milana Yu. Ilyushina,
Dr. Sci., Leading Researcher
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
aspirant_vf@mail.ru

Inal B. Kabardov,
Research Assistant
Center for Byzantine-Caucasian Studies,
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
inal-kabart@mail.ru

**“THE LIFE AND COUNTRY OF THE ZIKHS,
CALLED CIRCASSIANS. A REMARKABLE ACCOUNT”
BY GIORGIO INTERIANO: COMMENTARIES TO THE TEXT**

Abstract. This study explores the medieval history of the Circassians and other Northwest Caucasus peoples through a novel perspective by investigating the interactions between the Circassians of Trans-Kuban and the Mamluks of Burji (1382–1517). The primary focus is on the examination of the writings of the late 15th-century Genoese traveler Giorgio Interiano. Interiano’s observations, captured in his “Remarkable Account,” shed light on the lifestyle, customs, and appearance of the Adyghe nobility during a significant period of Circassian Mamluks’ active visits to their native lands in the Trans-Kuban region, coinciding with the reign of Sultan al-Ashraf Qaytbay (1468–1496) in Cairo. Interiano’s depictions align well with descriptions of Burji Mamluk traditions found in Arabic sources, suggesting a direct transmission of these traditions to the original carriers – Mamluks returning from the Sultanate. The article also examines the reasons behind the Circassian Mamluks’ visits to Trans-Kuban. During the analysis of Interiano’s work, texts from contemporary Arab historians of the Burji Sultanate were drawn, including al-‘Aini (d. 1451), Ibn Taghri Birdi (d. 1469), al-Sahawi (d. 1497), Ibn Shahin al-Malati (d. 1514), and Ibn Iyas (d. 1524).

Keywords: Giorgio Interiano; Circassians; Mamluks; Northwest Caucasus; Middle Ages

For citation: Druzhinina I.A., Ilyushina M.Yu., Kabardov I.B. “The life and Country of the Zikhs, Called Circassians. A Remarkable Account” By Giorgio Interiano: Commentaries to the Text. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N.4. P. 921–933. doi.org/10.32653/CH194921-933

В изучении средневековой истории адыгов сочинение Джорджио Интериано, составленное в конце XV в. и опубликованное в Венеции в 1502 г. [1, с. 43–52], по праву занимает место ключевого источника. Без ссылки на этот текст не обходятся исследования духовной и материальной культуры адыгов, их социального устройства и обычного права, внешнеполитических, культурных, торговых контактов (в том числе работоторговли) со странами и народами Причерноморья и Средиземноморья, а также этнокультурного состава населения Северо-Западного Кавказа, содержания и происхождения исторических этнонимов – *зихи*, *черкесы*, *адыги*. Отдельной дискуссионной проблемой является изучение упомянутой итальянским путешественником области Кромук.

Казалось бы, досконально исследованный историками, археологами, этнографами, этот текст сегодня едва ли может предоставить принципиально новые данные. Однако, поступательное развитие знаний о средневековом прошлом Северо-Западного Кавказа, а также новые подходы к его изучению, позволяют существенно расширить диапазон научных проблем, которые можно решать, опираясь на сведения, содержащиеся в сочинении Джорджио Интериано, а заодно в очередной раз проиллюстрировать герменевтический закон о неисчерпаемости информации, заключенной в памятнике древней письменности.

Традиционно текст Интериано рассматривался в основном как источник по «внутренней» истории населения Северо-Западного Кавказа. Энциклопедическим по своему характеру описанием быта, традиций и занятий черкесов, составленным очевидцем и современником, прежде всего, и ценно это «Достопримечательное повествование» (хотя оно и не лишено некоторых фантастических сюжетов, а также известной «этнокультурной эклектики» в описании некоторых обрядов). И неслучайно именно этот исторический текст впервые зафиксировал этноним *адыги*.

Что касается анализа внешнеполитического контента источника, то он в основном затрагивает изучение взаимоотношений черкесов с Крымским ханством, с Большой Ордой, а также их роли в истории Султаната мамлюков. В последнем случае авторы ограничиваются следующим пассажем текста: «*Большая часть проданных увозится в город Каир, в Египет, и таким образом [случается], что фортуна превращает их из самых жалких крестьян на свете, какими они были, – в величайших владык на свете и государей нашего века, а именно, в султанов, эмиров и т. п.*» [1, с. 48].

Между тем, представляется, что источник содержит целый пласт не отмеченной в историографии ранее информации о влиянии Султаната на население Северо-Западного Кавказа, а возможно, и о непосредственном мамлюкском присутствии в регионе. И, с другой стороны, текст Интериано приоткрывает слабо освещенные в арабских источниках подробности о влиянии на быт и культуру мамлюков Бурджи традиций северокавказских черкесов. Но, прежде чем перейти к анализу этих данных, необходимо пояснить, почему в принципе стала возможна такая постановка вопроса.

Долгое время в отечественной и зарубежной медиевистике считалось, что увозимые в Египет и Сирию в качестве военных рабов выходцы с Северного Кавказа навсегда разрывали связи со своей родней, землей и культурой. В Султанате их культурный код полностью переформатировался: они обращались в ислам, выучивались военному мастерству, обретали новые, псевдо-семейные связи – в рамках *хушдашия* и со своим хозяином (*устазом*), получали новые – тюркские – имена [2].

Последнее обстоятельство отчасти объясняет парадокс, почему этноним *адыги* был впервые зафиксирован в записках Джорджио Интериано – итальянского автора конца XV в., а не в трудах его современников – арабских историков Султаната Бурджи, хотя этот этноним, видимо, был им известен. В арабской средневековой письменной традиции народы Северо-Западного Кавказа были отнесены к числу тюркских. Так, ал-‘Айни возводит происхождение черкесов, к которым он причисляет и алан (*Алас*), к старшему сыну Ноя Иафету – прародителю тюрков [3, р. 15, 26]. Это обстоятельство можно объяснить тем, что зихи и касоги, являвшиеся предками адыгов, а также аланы и другие народы, населявшие Западный и Центральный Кавказ, были покорены монголами и их земли вошли в состав Улуса Джучи. Название *черкесы* – несомненно, полиэтноним, получивший распространение в арабской и персидской письменной традиции с XIII в., который, по всей видимости, восходил к возникшему несколькими веками ранее и впервые зафиксированному ал-Мас‘уди в середине X в. обобщенному названию населения Северо-Западного Кавказа – кашаки, вошел в монгольские источники форме *серкесут*, а затем и в западноевропейские источники. И все участники расцветшей с XIII в. черноморской работорговли – золотоордынцы, генуэзцы и венецианцы, мамлюки Бахри (1250–1382), а затем и Бурджи (1382–1517) – обозначали выходцев с Северо-Западного Кавказа общим полиэтнонимом.

Следует учитывать и то обстоятельство, что прибывавшие в Каир уроженцы Северного Кавказа (представители адыго-абхазских народов, аланы), а также Закавказья (грузины, армяне) в соответствии с возникшей во времена султана аль-Малика ан-Насира ибн Калавуна (1294–1295, 1299–1309, 1309–1340) практикой, получали новые тюркские имена (под которыми они становились известны в письменных источниках). Таким образом, «в прошлой жизни» этих людей оставались как имена, данные им при рождении, так и самоназвания их племен, во всяком случае на уровне государственной письменной традиции Султаната – в делопроизводстве и в исторических трактатах.

Между тем, «новая жизнь» мамлюков в Каире вовсе не означала разрыва всех связей с родной землей и культурой. Общество мамлюков было разделено по этническому признаку. Члены разных этнических групп отличались друг от друга не только новыми, полученными уже в Султанате, именами, но также предоставляемыми им чинами и должностями [4]. Этническая самоидентификация и солидарность оставались основным принципом организации корпуса мамлюков, более того, во второй половине XIV в. они стали важнейшим инструментом внутривластной борьбы за власть между представителями тюркских мамлюков Бахри и черкесских мамлюков Бурджи, а затем и средством удержания власти победившей черкесской династии [5, с. 276–277]. Это обстоятельство объективно требовало сохранения связей с родными племенами.

Такие связи прослежены по письменным источникам [6; 7; 8] и по археологическим материалам [9]. Их изучение позволяет выделить несколько основных причин, по которым мамлюки посещали Северный Кавказ.

Специальные миссии по заданию султана, из которых чаще других в источниках упоминается доставка в Каир родственников мамлюкской знати.

Такие миссии, помимо прочего, сулили их исполнителям карьерный рост и упрочение положения в окружении султана. Так, доставкой родственников ал-Ашрафа Барсбая (1422–1438) занимался Каним мин Сафар Худжа по прозвищу ат-Таджир

(Купец). Каним был мамлюком ал-Му'аййада Шайха, получил освобождение, вошел в число гвардейцев султана при ал-Музаффаре Ахмаде (1421), а после прихода к власти ал-Ашрафа Барсбая был отправлен в страну черкесов, чтобы доставить родственников султана [10, vol. 6, p. 200–201].

Каним пользовался особым доверием султана, иначе не получил бы столь ответственного задания. Помимо того, видимо, этот эмир либо сам был выходцем с Северо-Западного Кавказа, либо хорошо знал эти места, так как он не только должен был отыскать родственников ал-Ашрафа Барсбая, но и располагать определенным кредитом их доверия, чтобы целая группа людей решилась оставить свои дома и отправиться в Султанат.

После возвращения из этой поездки в Каир в 1426 или 1427 г., Каним поступил на службу в ведомство *давадара* («хранителя султанской чернильницы» – управляющего резиденцией султана), при ал-'Азизе Йусуфе (1438) получил звание эмира десятка. В дальнейшем он отправлялся с дипломатическими поручениями к Османам и Кара-Коюнлу. При ал-Ашрафе Инале (1453–1461) он получил звание *эмира сорока*, а затем – *эмира сотни* и *командира тысячи*. При ал-Му'аййаде Ахмаде занял должность *командира вахты*, а когда к власти пришел *хушдаш* (однополчанин) Канима аз-Захир Хушкадам (1461–1467), был назначен *эмиром совета*, стал одним из самых влиятельных лиц в окружении султана и, наконец, в 1465 г. получил пост *атабека*. Восхождение Канима по карьерной лестнице прервалось в шаге от трона султана. Он скончался в 1466 г. в возрасте около семидесяти лет [10, vol. 6, p. 200–201]. Представляется, что не последнюю роль в этом более чем успешном продвижении к вершинам мамлюкской иерархии могло сыграть знакомство с многочисленными родственниками ал-Ашрафа Барсбая, которые были благодарны Каниму, организовавшему их многодневный и небезопасный¹ переход из предгорий Закубанья в Каир, где их ожидало богатство, высокие должности и выгодные партии при дворе.

Опала, ссылка. Пример того, как высокопоставленный мамлюк оказался неудобным, был отстранен от дел и отправлен на Кавказ, приводит Ибн Шахин ал-Малати (ум. в 1514 г.), выходец из мамлюкской среды и автор многотомного сочинения под названием «Достижение ожидания относительно продолжения Держав» (*Nayl al-amal fi dhayl 'al-Duwal'*). *Атабек* Алеппо Каним мин Азбек (ум. в 1480 г.) был выслан в страну черкесов, правда, затем ему было позволено вернуться, и он снова получил звание *эмира* в Египте [11, p. 273]. Вторая часть этой истории не менее примечательна: если Каниму мин Азбеку было позволено вернуться, это как минимум означает то, что он, оказавшись на Кавказе, сохранял прямую связь с Султанатом и смог получить сообщение о том, что реабилитирован в глазах султана ал-Ашрафа Каитбая.

Труды Ибн Шахина ал-Малати и Ибн Ййаса содержат примеры прибытия мамлюков на Кавказ по личным целям и с поручениями частного характера от других мамлюков. Так, Кансух ал-Алфи, входивший в число гвардейцев султана Каитбая, в начале 1479 г. отправился в страну черкесов, взяв большое количество подарков, редких вещей, подношений и денег. Говорили, что он поехал на лечение (болезнь поразила его глаза и уши), а также для того, чтобы доставить кого-то из родственников султана. Многие из числа *джулбан* (одно из трех подразделений султанских мамлюков, те, которые были куплены самим султаном) воспользовались этим случаем, чтобы передать

1. Миссия Канима приходилась на время обострения конфликта Мамлюков с Дулкадиридами (1337–1522), контролировавшими отрезок пути, по которому в Султанат доставляли людей с Кавказа.

подарки в страну черкесов [10, p. 220]. Кансух ал-Алфи вернулся в Каир осенью 1480 г. [12, vol. 3, p. 145; 11, p. 239].

Возвращение мамлюков на Кавказ (в том числе и после поражения Султаната от Османов в 1517 г.). Совокупный анализ археологических, этнографических и лингвистических данных выявляет определенное влияние мамлюкских традиций организации власти на развитие политической культуры у адыгов, что наиболее рельефно прослеживается в особенностях политической организации Кабарды [13].

С другой стороны, источники позволяют проследить и некоторые причины (помимо работорговли), по которым теперь уже черкесы Закубанья прибывали в Султанат, и речь здесь может идти, главным образом, только о представителях знати.

Воссоединение с родней. В конце 1472 г. в Каире состоялись торжества по случаю прибытия из страны черкесов сестры ал-Ашрафа Каитбая, Джантин. Она привезла с собой сына, а также черкесских женщин [12, vol. 3, p. 78; 11, p. 53].

Из страны черкесов к сыну – Джанибеку Факиху, эмиру оружия с 1475 г. (ум. в 1478 г.) прибыл Касбай. Как пишут хронисты, он был человеком преклонных лет, но седых волос у него было меньше, чем у его сына. Касбай скончался в Каире во время эпидемии чумы в 1477 г. [12, vol. 3, p. 121; 11, p. 182].

Если в первом случае речь шла о членах семьи султана, и их появление и дальнейшее обустройство при дворе могло быть делом государственным, то прибытие в Султанат пожилого Касбая какого-либо политического веса и последствий, видимо, не имело.

Заключение матримониальных союзов. 16 января 1450 г. султан аз-Захир Джакмак заключил брак с черкешенкой Джаван Сувар, дочерью Куртбая. Незадолго до этого события Куртбай с дочерью прибыл в Каир из страны черкесов [11, vol. 5, p. 296].

Приведенные примеры демонстрируют несомненное влияние мамлюкского фактора на различные стороны жизни населения Северо-Западного Кавказа, и прежде всего на жизнь местного нобилитета. Пребывание Интериано на Кавказе, по всей видимости, приходится на период правления в Каире султана ал-Ашрафа Каитбая. Число перевезенных в Каир родственников этого султана, упомянутых в источниках, беспрецедентно [6, p. 61], что косвенно указывает на интенсивность посещений мамлюками Северного Кавказа в годы его правления. В данной связи особый интерес представляет взгляд Интериано на образ жизни, обычаи, облик адыгской знати, отраженный в его «Достопримечательном повествовании» – источнике, который запечатлел жизнь северокавказских черкесов в то время, когда их родственники управляли одним из самых могущественных государств Востока – Султанатом мамлюков Бурджи.

Организация власти. Интериано пишет о том, черкесы живут «деревнями и во всей стране нет [ни одного] города или укрепленного стенами места, а их самое большое и лучшее поселение – это небольшая долина в глубине страны, называемая Кромук, имеющая лучшее местоположение и более других населенная» [1, с. 47]. В «Путешествии в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина» – источнике середины XV в., также упомянута эта «страна Кремух», которой управляет государь по имени Биберди, т.е. «богом данный», сын Кертибея, т.е. «истинного властителя». Иоафат Барбаро, описывая Кремух, уточняет, что владение это «состоит из нескольких селений, могущих в случае нужды выставить до 2000 всадников,

и изобилует лесами и плодоносными равнинами, орошаемыми множеством рек» [1, с. 42]. Важно отметить, что область *Кармук* и ее правителей упоминают и мамлюкские историки XV в. [3, р. 28–29]. Сопоставление сведений итальянских и арабских источников показывает, что страна черкесов состояла из нескольких таких владений, и во всяком случае в самом большом из них в XIV–XV вв. власть передавалась по наследству.

Между тем, из этнографии хорошо известно, что еще одной формой организации власти и общества у черкесов были *мужские союзы*, основанные на принципах кровной мести и взаимопомощи [14]. В адыгской традиции – это *лакьуэлъэц* (от «лакь-уэ» и «лъэц» – «род сильный»), куда входили не только кровные родственники, но и побратавшиеся мужчины [13]. Письменные источники фиксируют мужские союзы на территории Северо-Западного Кавказа достаточно поздно, однако археологические материалы позволяют их проследить в памятниках XI–XII вв., в период сложения в регионе оптимальных условий для развития такой формы социальных отношений. Это время относительно свободного существования местного населения после двух веков зависимости от Хазарского каганата, когда жители страны Каса выплачивали дань хазарам, и накануне подчинения золотоордынским ханам.

С переходом власти в Султанате к черкесским мамлюкам мужские союзы Северо-Западного Кавказа должны были получить еще большее значение, поскольку этот регион при Бурджитах был источником не только перманентно поступавшей в Каир военной силы, позволявшей мамлюкам решать внешнеполитические задачи и сохранять свою власть в Султанате, но и поставщиком тех кадровых ресурсов, которые привлекались для межфракционной борьбы внутри корпорации мамлюков. В любом случае, внутривластная борьба в Султанате прямо или косвенно выступала в качестве фактора, влиявшего на социальные отношения северокавказских черкесов – их отдельных родов и кланов. И очевидно также, что кадровых ресурсов только одного рода для успешного ведения межфракционной борьбы в Султанате могло быть недостаточно, и тогда особое значение приобретали связи, основанные на искусственном родстве (мужские союзы, аталычество – об этом ниже).

Также несомненно, что *лакьуэлъэц* вместе с оставшимися на Кавказе родственниками занявшего в Султанате прочное высокое положение черкеса-мамлюка пользовались его поддержкой и были проводниками его влияния на Кавказе. Сосуществование на одной территории с ними кровных родственников и *лакьуэлъэц* оппозиционных эмиров-мамлюков могло породить ту картину, которая представлялась Интериано столь анархичной: «Между знатными есть много таких, которые имеют вассалов, и все живут без какой-либо зависимости друг от друга и не желают признавать над собой никакого владыки, кроме господ бога, и нет у них ни судей, ни каких-либо писанных законов. Сила или смекалка, либо третейский суд разрешает споры между ними» [1, с. 48].

Верования. Согласно сведениям источников, и, в первую очередь, Джорджио Интериано, адыги XV в. окормлялись Церковью Зихской епархии. Интериано пишет: «Они исповедуют христианскую религию и имеют священников по греческому обряду. Крещение же принимают лишь по достижении восьмилетнего возраста, и крестят у них по несколько человек за раз простым окроплением святой водой, причем священник произносит краткое благословение». Особенно примечательна характеристика христианских верований знати: «Знатные не входят в храм

до шестидесятилетнего возраста, ибо, живя, как и все они, грабежом, считают это недопустимым, дабы не осквернять церкви, по прошествии же этого срока, или около того времени, они оставляют грабеж и тогда начинают посещать богослужение, которое в молодости слушают не иначе, как у дверей церкви и не слезая с коня» [1, с. 47].

Попытки христианизации племен Северо-Западного Кавказа предпринимались Византией с VI в., когда была создана Зихская епархия Константинопольского патриархата. В большей степени усилия миссии были успешны в Северо-Восточном Причерноморье, собственно на земле зихов, однако положение христианской веры здесь не было прочным. На жителей Восточного Закубанья оказывала влияние и Аланская епархия (X в.), затем митрополия, также учрежденная в Константинополе, но с еще меньшим успехом в деле христианизации местных племен. Со времени появления в регионе итальянских колонистов ими предпринимались попытки распространения среди черкесов католичества [15].

В целом, и материалы археологии, и текст Интериано, свидетельствуют о весьма поверхностном характере христианизации адыгов в XV в., которая во многом и традиционно была вызвана исторической конъюнктурой, как, впрочем, и принятие частью адыгов ислама в период османского завоевания Северо-Восточного Причерноморья.

Вопрос о влиянии ислама на адыгов XV в. практически не изучен. Впервые как самостоятельную научную проблему его удалось поставить на материалах археологии и именно в контексте рассмотрения мамлюкского влияния на племена Северо-Западного Кавказа [9]. Письменные источники содержат информацию об обращении родственников знатных Бурджитов в ислам после переселения в султанат. Так, ислам принял Анас, отец Баркука. Все прибывшие родственники Джулубан, жены султана ал-Ашрафа Барсбая, совершили с ней хаджж в 1431 г. [8, р. 100]. Куртбай с дочерью – невестой султана аз-Захир Джакмака по прибытии в Каир приняли ислам [16, vol. 1, р. 170]. Помимо прочего, эти сведения указывают на то, что упомянутые представители черкесской знати до своего появления в Султанате исламизированы не были.

Между тем, в одном из курганов у станицы Белореченская было исследовано мусульманское погребение воина, которое может быть датировано XV в. (курган 6, раскопки Н.И. Веселовского 1906 г.): безынвентарное, в простой могильной яме, с западной ориентировкой погребенного, череп на правом виске. Важно подчеркнуть соблюдение канона при погребении, что, в свою очередь, указывает на проведение обряда мусульманами.

Интересная находка была сделана в самом богатом женском белореченском погребении (курган 10, раскопки 1896 г.). У пояса покойной был обнаружен шелковый мешочек с землей, как указывает Н.И. Веселовский, взятой, «может быть, на память посещения Мекки или какой-нибудь другой мусульманской святыни». В этом же комплексе находилась деревянная украшенная резьбой шкатулка, золотой пояс с арабской надписью, фигурной формы амулетница и другие предметы роскошной погребальной обстановки [9, с. 222].

Регулярные хаджи старших жен султанов в Мекку в окружении свиты и тысяч паломников являлись мероприятиями государственной важности, демонстрировавшими величие Султаната, прочность власти мамлюков и их приверженность исламу [17]. Вполне вероятно, что знатная черкешенка из Закубанья, в погребении которой был

обнаружен мешочек со святой землей, какое-то время проживала в Султанате и приняла участие в одном из этих паломничеств.

С другой стороны, единственное пока достоверно известное на Кубани погребение мамлюка [18], а значит, мусульманина, было совершено по местному языческому обряду. Эти материалы позволяют сделать вывод о том, что на Северо-Западном Кавказе приверженцев ислама было больше, чем это может показать количество погребений, совершенных по канонам ислама.

На этом фоне обращает внимание сообщение Интериано о *многоженстве* у адыгской знати: «У знатных нередко бывает, что родичи убивают один другого вместе с большой частью братьев. И лишь только один из братьев умрет, другой на следующую ночь берет жену покойного, свою сноху, ибо позволяется у них иметь даже несколько жен, которые все считаются законными» [1, с. 48]. Здесь следует сделать акцент на узаконенном статусе многоженства, что невозможно в пространстве христианской культуры и не нужно в языческой парадигме.

Заметим, что памятники христианства и ислама появляются в Закубанье на одной территории и в один и тот же исторический отрезок времени. Следовательно, общество черкесов в отношении влияния на него внешних сил (Золотой Орды, итальянских колоний Причерноморья, Султаната мамлюков Бурджи) не было однородным. И особенно с XV в., в условиях ослабления Золотой Орды, когда конкуренция за влияние на этот регион повышалась. Внешние игроки – золотоордынские аристократы, генуэзские и венецианские торговцы, представителями которых был Иосафат Барбаро и отчасти сам Джорджио Интериано, мамлюкские султаны и эмиры – проводили свои интересы, опираясь на конкретных людей и отдельные внутрисоциальные группы, а не на все население Северо-Западного Кавказа в целом. Такая картина хорошо согласуется с археологическими материалами: самые богатые, насыщенные сирийскими и египетскими импортами Белореченские курганы локализуются в стороне от сухопутных торговых путей и портов, прежде всего, главных рынков и центров итальянских колоний – Матрэги, а также Каффы, Сугдеи и Азака. С другой стороны, не раз отмечалось своеобразие бытовых и погребальных памятников, расположенных на северо-восточной периферии провинциально-византийской крымско-таманской городской христианской культуры, а также разнородного этнокультурного состава населения этого региона Нижней Кубани XIV–XV в. Внешние центры культурного влияния на племена Северо-Западного Кавказа, безусловно, не возводили непроходимых границ вокруг лояльных к ним поселений или областей страны черкесов, которые были открыты для проникновения культурных традиций их конкурентов. Так, влияние Султаната Бурджи на определенную часть черкесов, которая и была родственна правителям Египта и Сирии, заметна именно в зоне распространения Белореченских курганов. Видимо, этим и объясняется разница в условиях жизни между Кремухом и остальными областями страны черкесов, столь очевидная Интериано. С другой стороны, именно в зоне распространения Белореченских курганов выявлена единственная известная на сегодняшний день в Закубанье XIV–XV вв. христианская церковь [15, с. 57] (возможно, именно эту церковь упоминает Интериано), а среди погребений белореченской знати выделяются комплексы, наполненные западноевропейскими импортами.

Еще более рельефно в тексте Интериано прослеживается влияние традиций мамлюков Бурджи на быт, занятия и социальное положение черкесской знати.

Всадническая культура. «Знатные пользуются среди прочих большим почетом и значительную часть времени проводят на коне. Они не терпят, чтобы их подданные держали лошадей, и если случится вассалу вырастить как-нибудь жеребенка, то, как только он станет большим, его отнимает дворянин и дает ему взамен быков, присовокупляя такие слова: «Вот это, а не конь, больше подходит для тебя»» [1, с. 47]. Социальный идеал всадника и феномен наездничества, как отличительные признаки субкультуры черкесской знати [19], могут быть осмыслены в том числе и в русле влияния традиций фурусийи – комплекса знаний в сфере наездничества, сформировавшегося в результате сочетания традиций и учений различных конных и воинских культур средневекового Востока, системы воспитания воинов, доведенной до своего пика мамлюками [20, р. 234–237].

Отмеченный Интериано элитарный и кастовый характер социальной роли всадника в представлении адыгов Северо-Западного Кавказа корреспондирует с существовавшей при Бурджитах практикой ограничений на продажу лошадей немамлюкам. Например, такой запрещающий указ был обнародован в январе 1429 г. в период правления султана ал-Ашрафа Барсбая [21, р. 54; 13, с. 239].

Дарение почетных одежд. Описывая нравы и обычаи знати, Интериано указывает, что они «весьма восхваляют щедрость и дарят охотно все свое имущество, за исключением коня и оружия. А что касается их одежды, то тут они не только щедры, а [просто] расточительны, и по этой причине оказывается, что они по большей части хуже одеты, чем их подданные» [1, с. 49]. Одаривание правителем дорогой одеждой – широко распространенная в древности традиция. Для султанов Бурджи эта традиция [21, р. 56–57], в свою очередь, была одним из способов демонстрации власти, изъявления милости, средством вознаграждения, а также политического языка.

Интересно также, что красный цвет, который предпочитали мамлюкские эмиры [21, р. 80, 86], «был в обычае» и у знатных черкесов [1, с. 50].

Нельзя не отметить такой яркий общий элемент культуры черкесов Закубанья и мамлюков, как почитание чаш из драгоценных металлов. Интериано пишет: «В домах у них имеются массивные золотые чаши, стоимостью от тридцати до пятисот дукатов (я говорю здесь о знатных), также и серебряные, из которых они пьют с величайшей торжественностью, которой обставляется у них эта церемония более, чем любые другие обрядности. Они выпивают постоянно и во славу божию, и во имя святых, и во здравие родичей, и в честь памяти умерших друзей, и в память каких-либо важных и замечательных подвигов, и пьют с большой торжественностью и почтением, словно совершая священнодействие, всегда с обнаженной головой в знак наивысшего смирения» [1, с. 49].

Чаши и ковши из золота и серебра XIII–XIV вв. – характерный атрибут кочевнической культуры монголов. В степях Восточной Европы известно более 30 комплексов с находками престижной посуды, которые символизировали принадлежность погребенных к родовой и племенной аристократии Золотой Орды [22, с. 275–289]. Особая роль таких сосудов в ритуалах и различных церемониях (прежде всего, на пирах) в государствах Чингисидов была воспринята социально-знаковой системой и на их вассальных территориях. Как и в Султанат при мамлюках тюркской династии Бахри, на Северо-Западный Кавказ эта традиция в золотоордынское время была привнесена из кочевой степи. Престижная металлическая посуда является частой находкой

в элитарных погребениях Закубанья XIV–XV вв. Только в Белореченских курганах выявлены 66 золотых и серебряных чаш, ковшей, кубков. При этом их семантическое значение и роль в погребальном обряде черкесов приобрели какие-то местные, локальные смыслы, что нашло выражение в специфическом расположении этих предметов в погребении – около черепа или под ним, около рук или под ними, у колен. Отметим также и другое важное отличие: в элитарных захоронениях Закубанья XIV–XV вв. серебряные и золотые сосуды встречаются не в единичном экземпляре, как в погребениях кочевников XIII–XIV вв., а по 2–3 и более, что может рассматриваться в том числе и как показатель определенной «девальвации» символического значения этой категории престижных предметов у черкесов и возрастание их роли только как маркеров материального достатка.

Следует отметить и то, что среди выявленной в Белореченских курганах престижной посуды лишь один серебряный кубок (курган 3, раскопки 1906) находит прямые аналогии чашам, изображаемым на мамлюкских ранках.

Особый интерес представляют традиции черкесов Северо-Западного Кавказа, которые были перенесены на территорию Султаната и сохранили там свое значение. В научной литературе предпринимались попытки проследить примеры такого рода влияния [см. н-р, 6, с. 1–18], но этот вопрос все еще не утратил актуальности и требует специального глубокого исследования. Оставаясь в рамках заданных Интериано тем, выделим лишь один пример, который, пожалуй, имеет принципиальное значение для постановки вопроса о влиянии межличностных, межродовых, внутриклановых отношений, складывавшихся у черкесов на Кубани, на формирование и развитие связей внутри корпорации мамлюков Бурджи, и шире – об изучении внутрисоциальных отношений кавказских черкесов как фактора, оказывавшего определенное воздействие на межфракционную борьбу мамлюков в XV в. Средством или способом обретения искусственного родства, а значит новых социальных связей у черкесов являлся обычай аталычества. Интериано отмечает: *«Лишь только сыну знатного исполнится два или три года, его отдают на попечение одному из слуг»* [1, с. 48]. Одно из самых ранних упоминаний этого обычая у черкесов мы находим в арабских источниках. Курмуш аз-Захири Баркук, известный также как ал-А'вар (ум. в 1436 г.), принадлежал аз-Захиру Баркуку (1382–1399), дослужился до звания эмира сотни и командира тысячи. После смерти султана ал-Му'аййда Шайха (1412–1421) примкнул к фракции атабека Джанибека ас-Суфи и отказался перейти на сторону захватившего власть Барсбая, заявив, что «на своих плечах носил» Джанибека и воспитывал его как сына в стране черкесов [23, vol. 9, p. 64–65; 8, vol. 10, p. 220–221].

Завершая комментарий великолепного источника – «Достопримечательного повествования» Джорджио Интериано, отметим два обстоятельства. Во-первых, содержащаяся в нем характеристика быта, занятий и привычек черкесов Северо-Западного Кавказа, и в первую очередь, их знати, довольно хорошо коррелирует с описанием целого ряда традиций мамлюков Бурджи, зафиксированных арабскими средневековыми авторами. Представляется, что укоренение в среде черкесской знати специфически мамлюкских традиций было бы невозможно без их трансляции непосредственно «оригинальными» носителями – мамлюками, возвращавшимися из Султаната. Во-вторых, рассмотренные в настоящей статье материалы позволяют говорить о том, что судьба и карьера прибывавших в Султанат черкесов в немалой степени зависели не столько от упомянутой Интериано фортуны, сколько от их происхождения, от ста-

туса и положения их рода, от тех связей, которыми была пронизана социально-политическая жизнь в *стране черкесов*, с одной стороны, а с другой – от наличия кровного родства с представителями закрытой группы правящего сословия Султаната.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00869, <https://rscf.ru/project/23-18-00869/>.

Acknowledgement. The study was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00869, <https://rscf.ru/project/23-18-00869/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов / Под ред. В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. — 636 с.
2. Ayalon D. L'Esclavage du Mamelouk // *Oriental Notes and Studies*. 1951. Vol. 1. P. 1-66.
3. Al-ʿAynī, Badr al-Dīn Maḥmūd ibn Aḥmad. Al-Sayf al-Muhannad fī Sīrat al-Malik al-Muʿayyad “Shaykh al-Maḥmūdī” / Fahīm Muḥammad Shaltūt, editor. Cairo: Dār al-Kutub al-Miṣriyah, 1998. — 427p.
4. Koby Y. Naming the Mamlūks: Ethnic Groups and Ethnic Solidarity during the Mamluk Sultanate // *Zmanim: A Historical Quarterly*. 2013. Vol. 124 (Autumn, 2013). P. 30–43 (на иврите).
5. Илюшина М.Ю. Политическая история Султаната мамлюков Бурджи (1382–1517): борьба за власть в условиях нединастийной системы престолонаследия. Дисс. докт. истор. наук. М., 2022. 656 с. Режим доступа: https://www.ivran.ru/sites/28/files/Dissertatsiia_Iliushina_M_Iu_.pdf Дата обращения: 15.06.2023.
6. Broadbridge Anne F. Sending Home for Mom and Dad: The Extended Family Impulse in Mamluk Politics // *Mamluk Studies Review*. 2011. XV. P. 1–18.
7. Koby Y. Mamluks and Their Relatives in the Period of the Mamluk Sultanate (1250–1517) // *Mamluk Studies Review*. 2012. XVI. P. 55–69.
8. Barker H. Reconnecting with the Homeland: Black Sea Slaves in Mamluk Biographical Dictionaries // *Medieval Prosopography*. — 2015. — Vol. 30. — P. 87-104.
9. Дружинина И.А. Мамлюки на Северном Кавказе в XIV – начале XVI в. в свете материалов археологии // *Byzantino Caucasica*. Вып. 2. / Отв. ред. В. Н. Чхайдзе. М.: ИВ РАН, 2022. — С. 201–232.
10. Al-Sakhāwī, Shams al-Dīn Muḥammad. Al-Ḍawʿ al-Lāmiʿ li-Ahl al-Qarn al-Tāsiʿ [Свет, озаряющий людей девятого века]. Beirut: Dar al-Jīl, 1992. - 12 vols.
11. Al-Malati, ʿAbd al-Basit ibn Khalil ibn Shahīn. Nayl al-Amal fī Dhayl al-Duwal [Достижение ожидания относительно продолжения «Держав»]. Beirut and Sayda: al-Maktabah al-ʿAṣriyah, 2002. — 9 vols.
12. Ibn Iyās, Muḥammad b. ʿAḥmad al-Ḥanafī. Badāʾiʿ al-Zuhūr fī Waqāʾiʿ al-Duhūr [Чудеса цветов в событиях веков]. Leipzig, Istanbul and Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1931–1975. — 6 vols.
13. Кабардов И.В. Влияние Султаната мамлюков Бурджи на генезис политической элиты Кабарды: постановка научной проблемы // *Byzantino Caucasica*.
1. Gardanova VK. (ed.). *Adygs, Balkars, Karachais in the news of European authors*. Nalchik: Elbrus, 1974. (In Russ.)
2. Ayalon D. L'Esclavage du Mamelouk. *Oriental Notes and Studies*. 1951, 1: 1-66.
3. Fahīm Muḥammad Shaltūt (ed.). al-ʿAynī, Badr al-Dīn Maḥmūd ibn Aḥmad. Al-Sayf al-Muhannad fī Sīrat al-Malik al-Muʿayyad “Shaykh al-Maḥmūdī”. Cairo: Dār al-Kutub al-Miṣriyah, 1998. (In Arab)
4. Koby Y. Naming the Mamlūks: Ethnic Groups and Ethnic Solidarity during the Mamluk Sultanate. *Zmanim: A Historical Quarterly*. 2013, 124 (Autumn, 2013): 30–43 (in Hebrew).
5. Ilyushina MYu. *Political history of the Burji Mamluk Sultanate (1382–1517): the struggle for power under a non-dynasty system of succession*. Diss. abstract. Moscow, 2022. https://www.ivran.ru/sites/28/files/Dissertatsiia_Iliushina_M_Iu_.pdf (Access date: 06/15/2023). (In Russ.)
6. Broadbridge Anne F. Sending Home for Mom and Dad: The Extended Family Impulse in Mamluk Politics. *Mamluk Studies Review*. 2011, 15: 1-18.
7. Koby Y. Mamluks and Their Relatives in the Period of the Mamluk Sultanate (1250–1517). *Mamluk Studies Review*. 2012, 16: 55-69.
8. Barker H. Reconnecting with the Homeland: Black Sea Slaves in Mamluk Biographical Dictionaries. *Medieval Prosopography*. 2015, 30: 87-104.
9. Druzhinina IA. Mamluks in the North Caucasus in the 14th – early 16th centuries in the light of archaeological materials. In: V. N. Chkhaidze (ed.). *Byzantino Caucasica*. Moscow: IV RAS. 2022; 2: 201-232.
10. Al-Sakhāwī, Shams al-Dīn Muḥammad. Al-Ḍawʿ al-Lāmiʿ li-Ahl al-Qarn al-Tāsiʿ [*The Light Shining upon the People of the Ninth Century*]. Beirut: Dar al-Jīl, 1992.
11. al-Malati, ʿAbd al-Basit ibn Khalil ibn Shahīn. Nayl al-Amal fī Dhayl al-Duwal [*The achievement of hope about the completion of “The States”*]. Beirut and Sayda: al-Maktabah al-ʿAṣriyah, 2002.
12. Ibn Iyās, Muḥammad b. ʿAḥmad al-Ḥanafī. Badāʾiʿ al-Zuhūr fī Waqāʾiʿ al-Duhūr [*The Choicest Blooms Concerning the Incidents of Dooms, [Miracles of Flowers in the Events of the Ages]*]. Leipzig, Istanbul and Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1931-1975.
13. Kabardov IB. The influence of the Mamluk Sultanate of Burji on the genesis of the political elite of Kabarda: formulation of a scientific problem. In: V. N. Chkhaidze (ed.).

Вып. 2. / Отв. ред. В. Н. Чхаидзе. М.: ИВ РАН, 2022. С. 233–246.

14. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: МАЭ РАН, 1996. — 309 с.

15. Чхаидзе В.Н. Зихская епархия: письменные и археологические свидетельства // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» / Отв. ред. Алексеенко Н.А. Севастополь: СИД Арефьев, 2013. С. 47–68.

16. *Ibn Taghrī Birdī, Abū al-Maḥāsīn Yūsuf*. Extracts from Abū 'l-Maḥāsīn ibn Taghrī Birdī's Chronicle Entitled Ḥawādith ad-Duhūr fī Madā 'l-Ayyām wash-Shuhūr / William Popper, editor. Berkeley: University of California Press, 1930–1942. — 4 vols.

17. Johnson K. Royal Pilgrims: Mamlūk Accounts of the Pilgrimages to Mecca of the Khawand al-Kubrā (Senior Wife of the Sultan) // *Studia Islamica*. 2000. No. 91. P. 107–131.

18. Голубев Л.Э. Мамлюкские гербы из Прикубанья // Историко-археологический альманах / Отв. ред. Мунчаев Р.М. Армавир – Москва: АКМ. Вып. 8. С. 142–146.

19. Марзей А.С. Черкесское наездничество – «ЗекIуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: «Эль-Фа», 2004. — 302 с.

20. Berriah Mehdi. Représentations, sunnanisation et sacralisation de la furūsiyya à l'époque mamelouke (XIIIe–XVIe siècle) // *Bulletin d'études orientales*, 2018–2019. 2019. T. 67. P. 229–246.

21. Mayer L.A. *Mamluk costume*. Genève: A. Kundig Publ., 1952. — 120 p., 20 pl.

22. Чхаидзе В.Н. Серебряная посуда из погребений кочевников Восточно-Европейской равнины XIII–XIV вв. // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 275–296.

23. *Ibn Taghrī Birdī, Abū al-Maḥāsīn Yūsuf*. Al-Manhal al-Sāfi wa-l-Mustawfā ba'da-l-Wāfi [Чистый источник и дополняющий после достаточного]. Cairo: al-Hay'ah al-Miṣriyah al-Āmmah lil-Kitāb, 1984–2009. — 13 vols.

Byzantino Caucasia. Moscow: IV RAS, 2022; 2: 233–246.

14. Karpov YuYu. Dzhigit and the wolf. Men's unions in the sociocultural tradition of the Caucasian mountaineers. Saint-Petersburg: MAE RAS, 1996. (In Russ.)

15. Chkhaidze VN. Zikh diocese: written and archaeological evidence. In: Alekseenko N.A. (ed.). ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: "empire" and "polis". — Sevastopol: SID Arefiev, 2013:47–68. (In Russ.)

16. William Popper (ed.). *Ibn Taghrī Birdī, Abū al-Maḥāsīn Yūsuf*. Extracts from Abū 'l-Maḥāsīn ibn Taghrī Birdī's Chronicle Entitled Ḥawādith ad-Duhūr fī Madā 'l-Ayyām wash-Shuhūr. Berkeley: University of California Press, 1930–1942.

17. Johnson K. Royal Pilgrims: Mamlūk Accounts of the Pilgrimages to Mecca of the Khawand al-Kubrā (Senior Wife of the Sultan). *Studia Islamica*. 2000, 91: 107–131.

18. Golubev LE. Mamluk coats of arms from the Kuban region. In: R.M. Munchaev. *Historical and Archaeological Almanac*. Armavir – Moscow: AKM. 2002; 8: 142–146. (In Russ.)

19. Marzey A.S. *Circassian Equestrianism "ZekIue"*. From the history of the military life of the Circassians in the 18th – first half of the 19th centuries. Nalchik: El-Fa, 2004. (In Russ.)

20. Berriah Mehdi. Représentations, sunnanisation et sacralisation de la furūsiyya à l'époque mamelouke (XIIIe–XVIe siècle). *Bulletin d'études orientales*, 2018–2019. 2019, 67: 229–246.

21. Mayer LA. *Mamluk costume*. Genève: A. Kundig Publ., 1952.

22. Chkhaidze VN. Silver vessels from the burials of nomads of the East European Plain of the 13th - 14th centuries. *Povolzhskaya arheologiya*. 2017; 4(22): 275–296. (In Russ.)

23. *Ibn Taghrī Birdī, Abū al-Maḥāsīn Yūsuf*. Al-Manhal al-Sāfi wa-l-Mustawfā ba'da-l-Wāfi [The Pure Spring of the Fulfillment after the Completion]. Cairo: al-Hay'ah al-Miṣriyah al-Āmmah lil-Kitāb, 1984–2009.

Поступила в редакцию 13.06.2023 г.

Принята в печать 28.07.2023 г.

Опубликована 15.12.2023 г.

Recieved 13.06.2023

Accepted 28.07.2023

Published 15.12.2023